

Сергей Кара-Мурза

* * *

Я проработал в Лаборатории весь период ее пребывания в ИХПС, а потом еще пару лет в ИОХ. Не оторвался я от нее и поныне, но скажу о том, первом периоде, о времени становления, когда изобретались и испытывались многие новые формы организации, человеческих отношений, языка общения, постановки проблем – всей той социальной инженерии, которая порождала надежды на замечательный взлет нашего общества, но и послужила его краху. Не знали мы общества, в котором жили.

Наша Лаборатория оказалась одним из зародышей, как теперь говорят, «социалистического идеализма» и советского постмодернизма. Зародыш и младенец были прекрасны. Если нам повезет и каким-то чудом кто-то начнет программу возрождения жизнеустройства, то многому можно будет научиться у Лаборатории Н.К. Кочеткова периода становления. В учебнике истмата или «экономикса» этого не прочтешь.

Не буду говорить о моей работе химика, нет в ней признаков, по которым в историю отбираются муравьи науки. Скажу о Лаборатории как явлении нашей национальной культуры в один из узловых моментов ее развития – 60-е годы XX века. Конечно, это мой личный взгляд, но и он может чем-то быть полезен молодым.

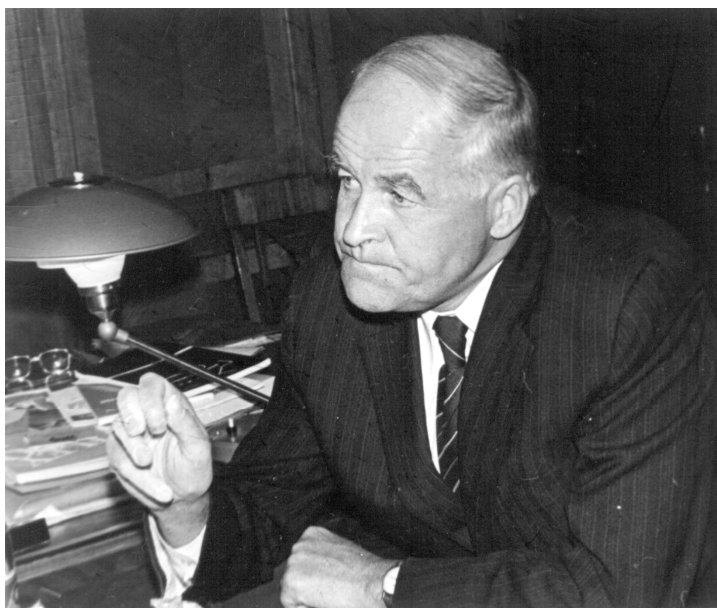
Я поступил на химфак МГУ в 1956 г., до этого два года был в кружке при химфаке. Это были два года счастья, еще подросткового. Колбы, реакции, огонь, кристаллы, умные товарищи, прекрасные руководители – добрая рука толкнула нас в жизнь. С первого же курса я попал в команду

Н.К. Кочеткова, «на кафедру» – через друзей по кружку. Тут первые взрывы и пожары, их предчувствие за последнюю долю секунды, воспоминания и терзания, выработка «ответственности химика». Со странным чувством вспоминаю сейчас пять-шесть взрывов и пожаров, к которым был причастен. И расширенные зрачки подруги, которая отшатнулась, увидев «порог возгорания», и столб пламени, и мороз огнетушителя – все вместе это как-то направляло, наставляло на путь.

Потом в мою жизнь вошел Николай Константинович. Я относился к третьему поколению его сотрудников, и, думаю, его свет и влияние доходили до меня в более чистом и слегка ослабленном виде, не отягощенные эмоциями слишком тесного общения, как у «стариков». Для меня он – прекрасное и противоречивое порождение русской культуры советского периода. Редкостное сочетание ума, страсти и художественного чувства. И совести, благородства высокой пробы. Даже вспышки его гнева, даже по ошибке, несправедливые, несли в себе созидательный заряд. Для меня он так и остался мысленным собеседником, в

трудные моменты я стараюсь угадать его реакцию на тот или иной мой выбор. Не то чтобы я всегда соглашался с его реакцией, но она для меня важный аргумент.

Несомненно, Н.К. был той матрицей, на которой собралась Лаборатория. Сам он был настолько целостной и устремленной ввысь личностью, что у него не было потребности никого вокруг себя подавлять и сдерживать. Он собирал самых талантливых, до кого могла дотянуться его рука, и помогал им расти. В нем было редкое сочетание аристократизма и глубокого демократического чувства.

Н.К. Кочетков

Согласно моим понятиям о советском проекте, Н.К. принадлежал

к важной категории его творцов и носителей. Сейчас, после краха советского строя, о причинах которого еще предстоит задуматься, в его образе я вижу черты, предопределившие наш кризис. Слишком высокая интенсивность порыва, за которой не поспевают тылы. Нехватка мещанского здравого смысла, без которого не удастся устроить гомеостатическую систему. Возникает скрытая напряженность, ведущая к расколу. Ничего не поделаешь – «время было такое», таких людей выращивало.

Но в то время, несмотря на все напряженности и частичные беды, мы жили на фоне общего ощущения счастья и светлых ожиданий. Лаборатория стала для нас чудесной башней, где это счастье обитало в концентрированной форме. И люди, и химия, и внешняя среда тут сложились с кооперативным эффектом. Все по отдельности так бы не действовало.

Вот мой личный случай. Вся химическая компонента моей жизни доставляла мне великое наслаждение. Я ушел из Лаборатории в 1968 г., но лишь недавно меня наконец перестал мучить такой сон. Я возвращаюсь в Лабораторию, меня встречают друзья, очищают мне место, собирают посуду. У меня хорошая, обдуманная тема, обсуждаем ее, Варвара Андреевна и Н.К. одобряют. Я готовлю колонки, реактивы. Какое счастье! Начинаю эксперимент и вскоре вижу, что тема моя не стоит выеденного яйца, что я безнадежно отстал от хода моей области, что все соглашались со мной из жалости. Тут я просыпаюсь.

Что же такое, что такого давала нам химия? Так ли сейчас? Помню, окно нашей комнаты в ИХПС выходило на улицу Вавилова. Видно было, как подходил трамвай от метро, спускался припозднившийся сотрудник, оглядывался воровато – и пускался к Институту бегом. Пожилые стеснялись бежать, но бежали. Чтобы на пару минут раньше достать свои хроматограммы или взглянуть на кристаллы.

Но только ли в радости каждодневных открытий было дело? Вспоминаю – точно с таким же чувством мы сидели тогда у костра или погружались за водорослями у Васьковского, спорили за чаем о вреде и пользе безработицы, отмечали в столовой очередную диссертацию. Собранный коллектив находился, как выражаются нынешние философы, в «страстном состоянии». Время было такое...

Это было время «массового призыва» в науку. Не припомню, чтобы была какая-то пропаганда, накачивание престижа науки, но сейчас вижу, что в нас, начиная с химфаковского кружка, было что-то вроде мессианского чувства. Может быть, у «стариков», буквально из

поколения шестидесятников, оно было интенсивнее, но и на моих сверстников хватило. Меня именно оно и из химии погнало, и я только через двадцать лет упорной учебы понял, какие соблазны крылись в этом мессианстве интеллигенции массового призыва. Да и то мне память о пожарах помогла. Дьявол силен...

Думаю, что в нашей Лаборатории совместными усилиями Н.К. и его соратников-основателей, вместе задавших вектор и стандарты наших мыслей, чувств и действий, возникло как побочный продукт их усилий особое культурное и духовное пространство. Здесь вызрели и раскрылись качества очень разных и очень способных людей, собранных в коллектив с системными свойствами. Это был сгусток интеллектуальной и духовной энергии с большим творческим и созидательным потенциалом. И как оборотная сторона этих свойств был потенциал сомнения, отрицания и разрушения. Как вводить такие сгустки в режим спокойного стационарного горения, не знали и не знают.

Мне кажется, мы находились в зоне явления, важного для понимания источников силы и хрупкости российского бытия. Но трудно эту историю осмыслить тем, кто жил и дышал в этой зоне. Может быть, кто-то со стороны посмотрит на нас в свой прибор и запишет его показания. А я счастлив, что жил в этом коллективе, и его тепло до сих пор меня греет.